

Этнографическое обозрение. 1893. № 2.
Кн. XVII. Год 5-й. С. 64—69.
**МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ
БЫЛИННЫХЪ СЮЖЕТОВЪ.**

XIII.^{1.)}

Добрыня—свать.

Въ экскурсѣ о Добрынѣ—Змѣборцѣ²⁾ я старался объяснить нѣкоторыя детали, встрѣчающіяся въ былинахъ о боѣ Добрыни со змѣемъ Горыничемъ, въ связи съ лѣтописными преданіями объ историческомъ Добрынѣ. Дальнѣйшую попытку въ томъ же направленіи представляетъ нижеслѣдующій разборъ группы былинъ, въ которыхъ описывается поѣздка Добрыни вмѣстѣ съ Дунаемъ за невѣстой для князя Владимира.

Всѣхъ былинъ этого содержанія извѣстно до 15—ти.

¹⁾ См. „Этн. Об.“ XV, 129.

²⁾ См. Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса, II, стр. 32 и слѣд.

Наиболѣе полна по деталямъ былина сказителя Романова (Гильфердингъ, № 94=Рыбн. I, № 30), которой содержаніе считаю необходимымъ напомнить.

Былина открывается пиромъ кн. Владимира. Князь жалуется, что онъ не женатъ, между тѣмъ, какъ всѣ князи–бояре и могучіе богатыри переженены, и спрашиваетъ, не знаетъ ли кто подходящей ему невѣсты,

„Чтобы ростомъ была высокая,
Станомъ она становитая,
И на лицо она красовитая,
Походка у ней часта и рѣчь баска,
Было бы мнѣ князю, съ кѣмъ жить да быть,
Дума думати, долгіе вѣки коротати”...

Дунай Ивановичъ указываетъ князю достойную его невѣсту Опраксу королевичну, дочь короля хороброй Литвы. Князь поручаетъ

ему посвататься отъ имени князя и взять съ собою 40 тысячъ силы и десять тысячъ

казны. Дунай просить дать ему въ товарищи одного Добрыню Никитича. Богатыри прѣхали къ литовскому королю. Дунай, служившій прежде у короля, входитъ въ палаты, а Добрыня остается при коняхъ на случай опасности. На сватовство Дуная король разгнѣвался и велѣлъ посадить свата въ погреба глубокіе. Дунай напугалъ королевскихъ слугъ, замахнувшись богатырской рукою. Но въ это время прибѣгаютъ со двора другіе слуги, которые рассказываютъ, что Добрыня перебилъ дубиной всю королевскую силу. Король смиряется и отпускаетъ Опраксу съ Дунаемъ и Добрынею. На пути богатырей застигла ночь и они „раздернули” палатку полотняную. Поутру Дунай замѣтилъ богатырскій слѣдъ и, оставивъ Опраксу на попеченіе Добрыни, поѣхалъ догонять неизвѣстнаго богатыря. Далѣе описывается встрѣча Дуная съ сестрою Опраксы паленицей Настасьей королевичной, кончающаяся тѣмъ, что онъ въ ней находитъ себѣ невѣсту и ѣдетъ съ нею въ

Кіевъ, куда уже раньше его прѣхалъ Добрыня съ невѣстой для Владимира. Былина кончается состязаніемъ Дуная съ Настасьей въ стрѣльбѣ изъ лука и трагической смертью обоихъ супруговъ.

Таково въ главнѣйшихъ чертахъ содержаніе и прочихъ пересказовъ того же сюжета. Изъ вариантовъ въ частностяхъ можно отмѣтить лишь нѣкоторые. Лицо, указывающее на пиру Владимира на Дуная, какъ богатыря, способнаго исполнить порученіе князя, называется Пермиломъ, княземъ Карамышевскимъ и, въ одномъ пересказѣ, Ильей Муромцемъ. Иногда Дунай беретъ въ спутники Василю Казимировича, иногда двухъ спутниковъ — Добрыню и Алешу; но изъ *большинства* пересказовъ можно вывести, что въ основной редакціи неперемѣннымъ спутникомъ Дуная былъ Добрыня. Въ одной былинѣ (Гилферд. № 125) Дунай и Добрыня даже помѣнялись ролями. Порученіе ѣхать за невѣстой въ Литву получаетъ отъ князя Добрыня, который беретъ съ собою Дуная въ товарищи.

Вообще можно отмѣтить, что между личностями обоихъ богатырей — Дуная и Добрыни — была подмѣчена слагателями и сказителями аналогія, которая внесла смѣшеніе въ содержаніе нѣкоторыхъ былинь. Аналогія заключается въ слѣдующихъ чертахъ: а) Добрыня, по порученію Владимира, освобождаетъ и привозитъ въ Кіевъ близкую къ князю женщину (Запаву Путятичну):

65

Дунай долженъ, по порученію князя, привезти ему невѣсту отъ враждебнаго короля; б) во многихъ былинахъ о Добрынь-Змѣборцѣ Добрыня, передавъ освобожденную имъ Запаву Алешѣ для доставленія ея въ Кіевъ, встрѣчается съ паленицей и затѣмъ женится на ней: въ былинахъ о Дунаѣ послѣдній, поручивъ Опраксу Добрынь, самъ встрѣчается съ воинственной сестрой ея Настасьей, бьется съ нею и привозитъ ее невѣстой въ Кіевъ. При этомъ сходствѣ и нѣкоторой близости

именъ (Дунай, Добрыня) становится отчасти понятно смѣшеніе Дуная съ Добрыней въ былинѣ Гильфердинга № 191, гдѣ Дунаю приписано змѣборство и избавленіе княжей племянницы. Разборъ походовъ Дуная я оставляю въ сторонѣ и сдѣлаю только нѣсколько замѣчаній о роли Добрыни.

Былина сложена изъ двухъ сюжетовъ: 1) привозъ невѣсты князю Владимиру Добрыней; 2) Женитьба Дуная на Настасьѣ-паленицѣ и трагическая смерть обоихъ супруговъ. Оба сюжета не переплетены между собою, а соединены чисто механически, т. е. одинъ развивается вслѣдъ за другимъ. Въ 1-ой половинѣ былины, гдѣ идетъ рассказъ о добываніи Опраксы королевичны для князя Владимира, главнымъ лицомъ является не Дунай, а Добрыня. Дунай указываетъ на невѣсту, такъ какъ жилъ прежде у короля хороброй Литвы на службѣ, дѣлаетъ предложеніе королю и подвергается опасности быть посаженнымъ въ погребъ. Но оставшійся на дворѣ Добрыня избиваетъ

силу королевскую и этимъ *вынуждаетъ* короля отдать Опраксу князю Владимиру. Затѣмъ тотъ-же Добрыня везетъ и привозитъ невѣсту въ Кіевъ, между тѣмъ какъ Дунай, оставивъ ее, устремляется на новое похождение, въ которомъ добываетъ себѣ самому жену. Итакъ, въ 1-ой половинѣ былины сюжетъ — добываніе Опраксы — вполне законченъ и можно сказать, что это добываніе совершено Добрыней. Можно думать, что когда-нибудь существовала 1-ая половина, какъ отдѣльная былина съ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ Добрыней. Но въ послѣдующемъ развитіи эпоса, вслѣдствіе стремленія связывать однородные сюжеты въ болѣе обширные и сложные рассказы, сюжетъ — добываніе невѣсты для Владимира Добрыней — притянулъ къ себѣ другой — однородный — добываніе невѣсты Дунаемъ. Подобное же сочетаніе двухъ сюжетовъ можно указать въ сводныхъ былинахъ о Добрынѣ, гдѣ, вслѣдъ за добываніемъ Добрыней Запавы

Путятичны для Владимира, помѣщается сюжетъ добыванія тѣмъ же богатыремъ невѣсты для самого себя. Отмѣчу, что эта невѣста Добрыни такъ-же паленица, какъ невѣста Дуная, и такъ-же въ нѣкоторыхъ былинахъ называется Настасьей. Слѣдуетъ думать, что въ сводныхъ былинахъ о Добрынѣ и Дунаѣ, Опраксѣ и Настасьѣ королевичнахъ добываніе Опраксы для Владимира было основнымъ *древнимъ* сюжетомъ. Когда этотъ сюжетъ притянуль къ себѣ другой, то явились попытки передѣлать начало основной былины. вмѣсто *одной* дочери короля Литвы у него оказалось двѣ, изъ которыхъ о второй должна идти рѣчь во 2-ой половинѣ былины, т. е. во 2-омъ разсказѣ, сплоченномъ съ основнымъ. Подъ вліяніемъ эпическаго числа 3-хъ въ нѣкоторыхъ вариантахъ упоминаются даже 3 дочери у короля (напримѣръ, Гильферд. № 125), но, не зная, что сдѣлать съ 3-ей,

сказитель (Щеголенокъ) прибавилъ, что „третья дочь да есть не въ дорости”.

Разложивъ такимъ образомъ сводную былинну на ея составныя части, мы можемъ вывести, что Добрыня въ нашемъ эпосѣ когда то болѣе ярко выступалъ устройтелемъ брака князя Владимира съ литовской королевной. Если мы припомнимъ нѣкоторыя лѣтописныя преданія, то, быть можетъ, найдемъ и мотивъ, по которому Добрынѣ въ нашемъ эпосѣ придана роль свата для Владимира. Приведенныя въ лѣтописи подъ 1128 годомъ (по Лаврентьеву списку) родовыя преданія, ходившія о полоцкихъ князьяхъ, вѣроятно извѣстны были на Руси, такъ какъ лѣтописецъ заносить ихъ со словъ вѣдущихъ:

„О сихъ же Всеславичихъ сице есть, яко сказаша вѣдущии преже: яко Роговолоду держащую и владѣющую и княжащую Полотьскую землю, а Володимеру суцю Новѣгородѣ дѣтску суцю еще и погану, и бѣ у него (уй его) Добрыня воевода, и храборъ и наряденъ мужь; и съ посла к

Роговолоду и проси у него дщерь (его) за Володимера. Онъ же рече дъщери своей: „хощешь ли за Володимеръ?” Она же рече: „не хочю розути робичича, но Ярополка хочю”; бѣ бо Роговолодъ пришелъ изъ заморья, имѣяше волость свою Полтескъ. Слышавъ же Володимеръ, разгнѣвася о той рѣчи, оже рече: „не хочю я за робичича”; пожалиси Добрына и исполнися ярости, и поемъша вои (и) идоста на Полтескъ и побѣдиста Роговолода. Рогъволодъ же вбѣже в городъ, и приступивъше к городу, и взяша городъ, и самого (князя Роговолода)

67

яша, и жену его, и дщерь его; и Добрыня поноси ему и дщери его, нарекъ ей робичица, и повелѣ Володимеру *быти с нею передъ отцемъ ея и матерью*. Потомъ отца ея уби, а саму поя женѣ, и нарекоша ей имя Горислава”...³⁾.

³⁾ Изданіе 1872 г., стр. 284–285.

Въ этомъ родовомъ преданіи, какъ и въ былинѣ, главную роль въ добываніи невѣсты для князя Владимира, который еще очень юнъ возрастомъ, играетъ Добрыня. Какъ въ былинѣ, такъ и въ преданіи, онъ исполняется яростью, когда получаетъ отказъ въ сватовствѣ, и такъ-же, какъ въ былинѣ, поносить отца невѣсты и добываетъ ее насиліемъ. Конечно въ подробностяхъ нѣтъ сходства, и я привелъ лѣтописное преданіе не съ цѣлью доказать, что именно лѣтописная его редакція была переработана въ былинѣ. Оно доказываетъ только, что еще въ XII вѣкѣ въ народѣ имя Добрыни было связано съ насильственнымъ добываніемъ жены для князя Владимира, и послѣднимъ эпически переработаннымъ отголоскомъ такого преданія можно считать разсмотрѣнную нами былинѣ. Съ теченіемъ времени было забыто народомъ имя насильственно добытой жены Владимира Рогнѣды-Гориславы, имя ея отца и принадлежавшаго ему Полоцкаго княжества. Помнилось только, что невѣста была дочерью какого то владѣтельнаго лица

на западѣ. Въ Московскомъ періодѣ этотъ западный властитель долженъ былъ стать королемъ Литовскимъ, такъ какъ Литва была ближайшимъ западнымъ сосѣдомъ Великаго княжества Московскаго. Въ одной былинѣ (Гильферд. № 272) отецъ Опраксы носить даже историческое имя XVI вѣка, — онъ названъ польскимъ королемъ Жиманомъ, въ чемъ не трудно видѣть искаженіе имени Жигмонта, т. е. Сигисмунда. вмѣсто имени княжны Рогнѣды въ эпосѣ явилось имя извѣстной изъ рязанскихъ преданій княгини Евпраксіи и изъ гордой княжны, не хотѣвшей разуть робичича, невѣста Владимира въ былинахъ иногда становится дѣвицей, охотно и радостно соглашающейся выйти за Владимира, вопреки желанію своего отца.

Можно, пожалуй, указать и на нѣкоторыя другія быличныя черты, нѣсколько напоминающія лѣтописное сказаніе о Рогнѣдѣ: какъ князю Владимиру въ лѣтописи выставляется соперникъ въ лицѣ Ярополка, такъ въ одной былинѣ отецъ Опраксы въ своемъ

отказъ ссылается на то, что его дочь уже просватана за царя Кощея Трипетова; какъ въ сказаніи упоминается обрядъ разуванія мужа, такъ въ былинѣ о другомъ сватовствѣ, — Ивана Годиновича, этотъ богатырь заставляетъ свою неохотно за него идущую невѣсту снять съ него сафьянъ сапогъ (былина Ефименка). Но подобныя параллели могутъ быть случайны. Для насъ достаточно одного заключенія, на которое даютъ право разсмотрѣнные былинные факты. Подобно тому, какъ въ Добрынѣ—змѣборцѣ сохранились кое—какія черты историческаго Добрыни, какъ борца противъ язычества, такъ и въ Добрынѣ—сватѣ можно видѣть глухой отголосокъ историческаго Добрыни, какъ добывателя жены для историческаго Владимира. Тѣ и другія былины указываютъ на существованіе въ до—татарскомъ періодѣ на Руси эпическихъ пѣсенъ, имѣвшихъ въ основѣ историческія преданія и

складывавшихся въ средѣ населенія, ближе стоявшей къ историческимъ личностямъ, князьямъ и воеводамъ. Такой средой должно признать прежде всего княжескую дружину.

Всеv. Миллеръ.